ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОМОРФИЗМА В СБОРНИКЕ СКАЗОК З. СТАДНИК «КРЫШИ ЛЕТЯТ»

Афонина Ю.И.

Одним из наиболее частотных приемов, встречающихся в сказках, является антропоморфизм. Это – частный случай олицетворения, когда предмет изображения уподобляется человеку, либо наделяется человеческими свойствами [2, с. 21]. Использование антропоморфизма в детской литературе обусловлено возможностью интерпретировать смыслы и мораль, опираясь на восприятие мира глазами детей. Детская психология близка к архаичному мышлению, когда все причинно-следственные связи в окружающем мире объясняются по аналогии с отношениями, существующими между людьми [1]. То есть антропоморфизм позволял еще древним людям осмыслять мир, так что большинство приемов, проявлений, метафорических переносов, которые мы видим в современной детской литературе, так или иначе уже встречались. Тем не менее, в рассматриваемых в данной работе текстах есть своеобразие использования приема антропоморфизма.

В сборнике сказок Зули Стадник «Крыши летят» антропоморфизм является основным приемом: персонажами сказок оказываются дома. Очеловеченными становятся жилые дома в городе (главные герои), нежилые здания (магазин, парикмахерская), деревенские избы и дом, одиноко стоящий в лесу. Общение между персонажами происходит незаметно для жителей, как и действия, совершаемые частями дома как частями тела. При этом настроение или состояние здоровья дома может влиять на происходящее внутри. Так, от плохого настроения дома Шесть у него «гасли лампочки в подъездах, перегорала проводка и подтекали раковины», а от хорошего настроения Второго дома у него «починились трубы, заплатились счета за электричество, а вместо холодной воды потек лимонад» [3, с. 13].

«Человеческими» становятся и сюжеты: в центре повествования оказываются то конфликт поколений, то необходимость веры в себя, то принятие себя, то любовная история. На примере жилых и нежилых зданий решаются человеческие проблемы. При этом читатель без труда угадывает в поведении каждого дома персонажа определенного возраста и характера. Например, Шестой дом, самый молодой среди всех. Об этом говорит описание двора в сказке «Открытое сердце», речь, в которой часто звучат глупые, можно сказать, детские вопросы. Его монолог в сказке «К деревенским!» и вовсе позволяет сказать, что за Шестым домом скрывается характер ребенка-дошкольника или младшего школьника. Девятый дом обладает то меланхоличным характером, то холерическим темпераментом, часто бывает обиженным и озлобленным, вследствие чего становится источником конфликтных ситуаций. Уколы в сторону других домов и едкие замечания обычно принадлежат Девятому, он же является зачинщиком конфликта с деревенскими домами. Речь персонажа и поведение позволяют считать его «подростком» среди остальных. В пользу этого также говорит и материал,

из которого он сделан – этот дом бетонный, в отличие от остальных, сделанных из кирпича (не считая Шестого). То есть это более новое строение, старший из двух детей. Пятый дом, плутоватый, непоседливый и болтливый, становится источником юмора, но в то же время и причиной завязки сюжета в половине сказок сборника. Магазин в начале переулка хоть и не входит в коллектив жилых домов, наделен множеством черт, имеет особый голос и речь, несколько раз оказывается центральным героем сказок и является единственным персонажем, имеющим свою романтическую сюжетную линию. Второй дом предстает пожилым и ветхим, Четвертый – самым мудрым и обладающим лидерскими качествами. Остальные не имеют особенных черт, и центральными героями каких-либо сюжетов становятся только в силу обстоятельств, не связанных с характером.

Зачастую в сказках З. Стадник персонажи и декорации меняются местами: дома становятся персонажами, а люди, живущие в них, своего рода декорациями, которые могут отражать характер человека, становиться предметом для гордости, а могут и вовсе отсутствовать в повествовании. Оттого люди, которые появляются в текстах, описываются бегло, не обладают характерами, и единственное средство их характеристики – говорящие фамилии (Сопелкины, Матраскины, Зевайкины, Храпелкины). Люди не нуждаются в характерах в большинстве сюжетов, потому что не выполняют функции персонажей, а становятся лишь фоном для повествования: о них говорится, когда нужно показать смену дня и ночи, например. Обычно в сказках, где главные герои не люди, человек либо убирается из авторского мира, либо становится второстепенным, но в сказках З. Стадник люди выполняют особенную функцию: фон, декорации.

Важное место в сказках занимает специальная «анатомия» персонажей-домов. В большинстве случаев автор продолжает традицию, но в отдельных – вводит собственные способы переноса функций частей человеческого тела на неодушевленный предмет.

Так, *окна и стекла* ожидаемо могут считаться переносом функций человеческих глаз. «Все дома переулка с любопытством таращили окна на двор», «Переглянулись окна в переулке». В то же время роль *занавесок* в «анатомии» домов менее однозначна. С одной стороны, логично предположить соответствие веки-занавески – человек «опускает веки на глаза», дом «задвигает занавесками окна». Подтверждение этому видим в следующих примерах: «Магазин насупился и задвинул занавески»; «…горько заметил магазин и задернул занавески». С другой стороны, персонажи мотают и качают занавесками, когда у домов возникает необходимость сделать жест, который для человека являлся бы мотанием или качанием головы. Наблюдаем это в следующих примерах: «…магазин испуганно замотал занавесками и захлопнул форточки», «“Мда”, – качнул занавесками дом номер Девять». Более того, в какие-то моменты движение занавесок соответствует движению ресниц: «Удивленно затрепыхались занавески по всему переулку». То есть роль каких-то отдельных частей тела человека не переносится полностью,

или происходит соединение функций сразу нескольких частей тела в одной части дома.

Более однозначную трактовку в устройстве «организма» домов имеют *водосточные трубы*. Они могут «протяжно тянуть песни», употребляются со словами «завопили», «откашлялись и загудели». Когда речь идет о хоре домов переулка, «голосовыми связками» оказываются эти инструменты. «Дом номер Пять забрал в трубы побольше воздуха и прогудел», «напевал водосточными трубами бодрые мелодии». Один из персонажей говорит: «Значит, мы тут петь будем, трубы свои надрывать, а он тихонько в углу постоит!», на что другой отвечает: «Какой из меня певец? У меня и слуха нет, и водосточные трубы маленькие». Важно отметить, что этим же средством персонажи также шипят (в данном контексте – шепчут), а в каких-то случаях всхлипывают. То есть, происходит не прямой перенос горло – трубы, а уподобление водосточных труб всему речевому аппарату: от легких, куда можно «набрать побольше воздуха», до горла, которое можно «надрывать» и носа, которым можно «всхлипывать».

Важно отметить, что речевому аппарату соответствуют только водосточные трубы. Трубы центрального отопления появляются в сказках лишь однажды и передают эмоциональный всплеск, а трубы-дымоходы изб используются в качестве рук: «Ну и ладно, – махнули трубами избы».

Не все части тела человека могут логично переноситься на «анатомию» домов при их антропоморфизации – в силу того, что не во всем, что есть у человека, нуждаются персонифицированные здания, и не все можно визуально похоже найти в их строении. Так, если окна логично ассоциируются с глазами визуально, водосточные трубы с речевым аппаратом из-за издаваемых звуков, то метафорический перенос функций рук на архитектуру жилого дома вызывает затруднение. Мы находим следующие способы решения этой проблемы:

– Ты же трубами клялся!
– А я антенки скрестил – не считается. [3, с. 18]

Тут мы прослеживаем явную параллель со скрещенными пальцами. В другом фрагменте *антенны* оказываются не пальцами, а руками: «Дом номер Девять развел антенны в стороны», а в следующем и вовсе руками с инструментом: «Я вам антеннами дирижировать буду». Ими же персонажи пользуются и для каких-то мелких манипуляций: «Почесал антенной крышу старенький дом». И для того, чтобы что-то указать: «Пятый дом махнул антеннами туда, где выглядывал козырек парикмахерской». А также для изображения каких-либо жестов: «Если бы какой-нибудь прохожий пригляделся к крышам домов переулка Строителей, то заметил бы, что антенны на них свернулись во что-то напоминающее кулаки, которые сердито машут в сторону Пятого дома». Более «крупные» манипуляции, соответствующие действиям рук, могут переноситься и на другие части здания,

такие как *забор*: «…обняв друг друга заборами, кружились избы вперемешку с двухэтажными домами».

Интересную роль в создании образов играют *крыши*. Какие-то действия этой части домов могут соответствовать человеческой мимике: «недовольно морщил крышу», «сморщил черепицу», но в других случаях крыша соответствует голове: ей кивают в случае согласия; также ей качают, чтобы выразить эмоции: «неопределенно покачалась крыша». В разных сказках встречается оборот «крыша поникла», «поникшая крыша», что тоже позволяет говорить о соответствии голова – крыша. Когда персонажи хотят указать на недалекость Шестого дома, они говорят: «Подыграть не можешь, плоскокрыший?». Также интересно использование метафорических фразеологизмов в прямом значении. Когда один из персонажей влюбляется, другой это комментирует следующим образом: «Крышу снесло у парня», что в данном случае буквализирует метафору.

Способы переноса функций частей человеческого тела на части домов отражают своеобразие авторского подхода к созданию антропоморфных зданий. Окна-глаза, крыша-голова – ожидаемый визуальный метафорический перенос; водосточные труды-речевой аппарат, антенны-кисти рук, заборы / дымоходы-руки – переносы по другим признакам. Вследствие этого авторский замысел не просто оказывается необычным для читателя, но и невозможным для изображения. На страницах сборника мы видим иллюстрации Вадима Челака, которые подчинены не столько авторскому замыслу, сколько внешней привлекательности. Для более приятного восприятия глаза домов не везде сделаны на месте окон; водосточные трубы не имеют отношения к голосу, а ввиду расположения становятся руками; антенны зачастую имеют декоративную функцию; домам добавляют улыбку на фасад, хотя рта у зданий в тексте как такового нет, а функцию связок выполняют водосточные трубы.

Таким образом, З. Стадник создала особенных персонажей, обладающих человеческими чертами в характерах и поведении, имеющих соответствующие части тела, но при этом непохожих на человека внешне, живущих совершенно по другим законам. Своеобразие идеи – создание зданий не внешне антропоморфных, но антропоморфных по многим другим признакам.

Список литературы

1. Кочкарев Ф. Е. История и теоретические аспекты исследований антропоморфизма животного мира в мировой художественной литературе / Ф. Е. Кочкарев // Молодой исследователь Дона. – 2017. – № 6. – С. 210–215.
2. Словарь литературоведческих терминов. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
3. Стадник З. «Крыши летят!» / З. Стадник. – М. : Архипелаг, 2020. – 80 с.